

ББК 81.41-3

Д. С. Квашина, Н. В. Суворова

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ В НАЗВАНИЯХ ВЕСЕННИХ МЕСЯЦЕВ (На материале восточнославянских языков)

Статья посвящена рассмотрению диахронического процесса, произошедшего в лексемах со значением «месяц». На основе сопоставительного изучения восточнославянских названий весенних месяцев делается вывод о том, что при сходстве близкородственных языков между ними немало и различий, одно из которых связано с семантическим сдвигом, произошедшим во внутренней форме выявленных лексем и обусловленным экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: славянские языки, названия месяцев, внутренняя форма, номинация, сходства, различия, семантика, семантический сдвиг.

The article examines the diachronic process that happened in the names of the months. Based on the analysis of the East Slavic names of the spring months both similarities and differences of the kindred languages are revealed. One of the differences is caused by the semantic shift, which occurred in the inner form of those lexemes due to extralinguistic factors.

Key words: Slavic languages, the nominations of months, inner form, nomination, similarities, distinctions, semantics, semantic shift.

В современном сопоставительном языкознании все больше возрастает интерес к выявлению общего и различного между исследуемыми языками на примере отдельного фрагмента лексической системы. Это связано с тем, что словарный состав языка отражает специфику национального мировоззрения: названия тех или иных явлений и предметов содержат информацию об особенностях восприятия фрагментов реальной действительности каждым народом в разные исторические периоды. Безусловно, изменения в картине мира влекут за собой и изменения в языке, в его лексическом составе, в том числе — в названиях месяцев.

Названия месяцев представляют собой достаточно древний пласт лексической системы, который восходит к эпохе праславянского языка. За долгое время своего существования они подвергались влиянию различных процессов: фонетических, словообразовательных, семантических. Эти изменения являются диахроническими, и среди них наибольший интерес представляет семантический сдвиг.

К изучению семантического сдвига ученые-лингвисты обращались неоднократно. Так, Л. В. Станинова в работе «Народные названия месяцев в русском языке (структурно-семантический аспект)» определяет семантический сдвиг как процесс, при котором одно и то же название может обозначать несколько месяцев [4]. Причины этого процесса исследовательница видит в том, что «в разное время, в разные месяцы года наблюдались сходные явления или совершались аналогичные работы в сельском хозяйстве или домашнем быту» [4, с. 102].

По мнению В. Е. Гусева, семантический сдвиг является одной из центральных проблем в изучении славянской номенклатуры месяцев. В своем

© Квашина Д. С., Суворова Н. В., 2019

труде «Очерки славянской культуры» ученый обращается к сущности этого процесса, который понимается как «перемещение названий», когда «они захватывали <...> два смежных месяца» [2, с. 88]. Кроме того, в этой работе рассматриваются причины, породившие данное изменение. В частности, этот процесс, как считает исследователь, по всей вероятности, связан с тем, что до расселения славян «одно и то же название во многих случаях относилось к смежным месяцам» [2, с. 87].

Чешский лингвист В. Шаур в работе «К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев» указанному выше явлению дает иное название — семантическое несоответствие. Под ним ученый понимает процесс, при котором «одно название нередко обозначает по славянским языкам и диалектам разные месяцы» [8, с. 94]. С точки зрения В. Шаура, причины этого явления связаны с географическим положением и климатическими условиями: славяне занимали обширные территории, различные по климату, почвам, ландшафту, флоре и фауне [8, с. 95].

В исследовании Л. В. Вялкиной «Славянские названия месяцев» семантический сдвиг определяется как «несовпадение в названиях одних и тех же месяцев у разных славян» [1, с. 268]. По мнению историка языка, данный процесс обусловлен географическим положением славянских стран: на разных территориях расселения славян были разные климатические условия [1, с. 268].

В нашей работе под семантическим сдвигом понимается диахронический процесс, заключающийся в таком изменении внутренней формы названий, при котором одно и то же наименование может обозначать разные (в основном смежные) месяцы года. Интересно, что данное явление происходило почти во всех славянских языках: западнославянских, южнославянских и в некоторых восточнославянских языках. Причем преимущественно оно касалось названий осенних и весенних месяцев года, в основе номинации которых лежало наименование реалии растительного мира. В данной статье будет подробно рассмотрен семантический сдвиг, который произошел в названиях весенних месяцев в восточнославянских языках.

В древнерусском языке четвертый месяц года носил название *березозол*. Это слово по своей структуре является сложным: оно состоит из двух корней *-берез-* и *-зол-* [5, т. 1, с. 154]. Первый корень является полногласным вариантом праславянского корня **brezъ*, обозначающим название дерева береза. Важно отметить, что второй корень *-зол-* не употреблялся как самостоятельная морфема и был родственным с учетом чередования гласных корню *-зел-*, обозначающим зеленый цвет. Вероятно, название четвертого месяца связано с изменениями, которые происходят в природе в середине весны. Именно в это время года на березе появляются первые зеленые листья. Таким образом, *березозол* — это месяц, обозначающий время, когда зеленеет береза.

Существует и иная точка зрения по вопросу о том, что лежит в основе семантики данной древнерусской лексемы. В частности, в работе Л. В. Станиновой делается несколько сомнительное предположение, согласно которому *березозол* обозначает «злое» для берез время [4, с. 140]. Как правило, в апреле уже заканчивался сбор березового сока. Иногда сок собирали неаккуратно, и деревья гибли от нанесённых повреждений.

Несмотря на некоторые различия в приведенных толкованиях значения лексемы *березозол*, обе точки зрения отражают связь внутренней формы названия четвертого месяца с березой. И это неслучайно. Как известно, береза играла важную роль в жизни славян. Так, например, древесина этого дерева

применялась при строительстве жилищ, изготовлении лодок, а березовый сок использовался как ритуальный и исцеляющий напиток. Кроме того, с появлением первых листьев на березе начинались сельскохозяйственные работы. Все это говорит о том, что использование данного дерева было связано с разными сферами жизни славян — от бытовой до религиозной. Таким образом, древнерусское название четвертого месяца отражает изменения в растительном мире, которые играли важнейшую роль в основной деятельности славян — земледелии. Семантика данного наименования свидетельствует о том, что вся жизненная философия славян была связана с природным календарным циклом.

После распада древнерусского языка лексема *березозол* не сохранилась ни в одном из современных восточнославянских языков: имена существительные, обозначающие четвертый месяц в украинском (*квітень*) и белорусском языке (*красавік*), не связаны с древнерусской традицией. В основе этих номинаций лежит указание не на конкретный период жизнедеятельности березы, а на время цветения различных растений. Так, например, украинское название *квітень*, образованное от лексемы *квіт* «цветок», обозначает период появления первых цветов [10, т. 2, с. 418]. Внутренняя форма белорусского названия несколько иная. Согласно данным этимологических словарей, название месяца *красавік* связано с существительным *краса*, которое имеет значение «цветение злаковых растений» [9, т. 5, с. 113]. Таким образом, *красавік* — это месяц, когда цветут злаковые культуры. Кроме того, существует и другая точка зрения относительно этимологии данного слова, согласно которой лексема мотивируется словом *краскі* «цветы» и обозначает время появления цветов [3, с. 14].

Современное украинское название третьего месяца года *березень*, вероятно, имеет прямую связь с древнерусской лексемой *березозол*. Во внутренней форме лексемы *березень* прослеживается расширение семантики исходного слова: с утратой второго корня «зол» исчезло указание на время появления зелени на березе. Но общая связь с этим деревом сохраняется. Вероятно, внутренняя форма наименования *березень* опосредованно связана с этапами активной жизнедеятельности растений — периодом сокодвижения, в дальнейшем — с распусканием почек и появлением листьев. В сознании славян все эти природные процессы отождествлялись с окончательным приходом весны. В связи с этим можно вспомнить поговорки: «Березень — врата весны», «Березень березовым венником зиму выметает, а весну в гости приглашает».

Завершая разговор об однокоренных словах *березозол* и *березень*, следует отметить, что при этимологической общности они обозначают разные весенние месяцы: древнерусская лексема — «апрель», а украинская лексема — «март». В украинском названии произошел семантический сдвиг, обусловленный климатическими и географическими факторами: Украина южнее Белоруссии и России, а значит, и климат там теплее, и весна приходит раньше.

Белорусским языком, как и украинским, древнерусская лексема *березозол* унаследована не была. В нем даже не сохранился исконный древнерусский корень. Но при этом в названии третьего месяца года, как и в украинском языке, можно заметить опосредованную связь с березой.

Белорусское название марта более конкретно: лексема *сакавік* отражает процесс движения сока в березе, т. е. период, когда на дереве еще нет листьев. О том, что в это время года начинается процесс сокодвижения, свидетельствует и белорусская поговорка: «Сакавік деревьям сок пускает».

Современный русский литературный язык не унаследовал из древнерусского языка название месяца *березозол*. Более того, в отличие от белорусского

и украинского языков, названия ни одного весеннего месяца в русском языке никак не связаны с явлениями природы. В русском литературном языке третий месяц года носит название *март*, а четвертый — *апрель*. Обе лексемы были заимствованы из латинского языка и известны на Руси уже в XI веке [6, т. 1, с. 49; 512].

Как и большинство названий месяцев в русском языке, название третьего месяца года связано с именем древнеримского бога. Март — это месяц Марса, римского бога войны, который был «призван защищать мирный труд людей» [4, с. 45]. Именно поэтому культ Марса был связан еще и с земледелием.

В марте у древних римлян начиналась сельскохозяйственная деятельность, так что было важно зафиксировать в названии месяца указание на бога, покровительствовавшего данной сфере жизни. Примечательно, что в это время римляне совершали и сезонные военные кампании, где, безусловно, требовалась поддержка бога войны.

Название четвертого месяца года в современном русском языке *апрель* так же не связано с древнерусской традицией. Как показывают данные этимологических словарей, это слово восходит к латинскому существительному *aprilis*, скорее всего, которое является родственным *apricus* в значении «согреваемый солнцем» [7, с. 28]. В буквальном переводе с латинского языка *апрель* — «солнечный, теплый» месяц [7, с. 28].

Следует отметить, что этимология названия четвертого месяца до сих пор вызывает споры среди ученых. Наряду с приведенной точкой зрения, которая, на наш взгляд, кажется достаточно убедительной, существует мнение, что название этого месяца восходит к латинскому глаголу *aperire* — «открывать»: *ver aperire* — «начинать весну» [5, т. 1, с. 49]. Возможно, данное название связано с приходом весны не календарной, а природной. В любом случае все приведенные этимологии лексемы *апрель*, свидетельствуют об отсутствии связи этого слова с реалиями растительного мира.

Примечательно, что в процессе освоения русским языком латинского названия четвертого месяца года *апрель* произошло переосмысление внутренней формы наименования. Так, в народном сознании лексема связывалась со словом *преть* (от *прѣти*) [6, т. 1, с. 49].

Таким образом, сопоставительный анализ лексем, обозначающих весенние месяцы в современных восточнославянских языках, позволяет установить родство между древнерусским названием четвертого месяца года (*березозол*) и белорусским (*сакавік*) и украинским (*березень*) названиями третьего месяца. Все они прямо или опосредованно связаны с растительным миром, а конкретно — с березой.

Украинская лексема обнаруживает наиболее тесную связь с древнерусским существительным *березозол*, об этом свидетельствует, в частности, общий корень *-берез-*. В основу же белорусского названия месяца лег более конкретный признак — движение сока в этом дереве. Вероятно, расхождение между украинским и белорусским названием третьего месяца года объясняется экстралингвистическими факторами: разницей в климатических условиях и географическом положении Украины и Белоруссии. Произошедший в восточнославянских названиях весенних месяцев семантический сдвиг свидетельствует не о слепом наследовании древнерусской традиции, а об ее переосмыслении в связи с изменениями в реальной действительности.

При этом важно отметить, что с принятием христианства русский язык перенял латинско-греческую номенклатуру названий месяцев, сохранив исконные славянские названия только в народных говорах.

Библиографический список

1. *Вялкина Л. В.* Славянские названия месяцев // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования. 1970. М. : Наука, 1972. С. 265—279.
2. *Гусев В. Е.* О реконструкции праславянского календаря (к проблеме этногенеза славян) // Гусев В. Е. Очерки славянской культуры : письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. СПб. : РИИИ, 2012. С. 83—100.
3. *Кириенко В. В.* Временной темпоритм в менталитете белорусов // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VI междунар. науч. конф., 21—22 мая 2009. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. С. 12—18.
4. *Станинова Л. В.* Народные названия месяцев в русском языке (структурно-семантический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 193 с.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Терра, 1996. Т. 1—4.
6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М. : Русский язык, 1999. Т. 1—2.
7. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1971. 542 с.
8. *Шаур В.* К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология 1971. М. : Наука, 1973. С. 93—101.
9. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / рэд. В. У. Мартынаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1978—2017. Т. 1—14.
10. *Етимологічний словник української мови* / гол. ред. О. С. Мельничук. Київ : Наук. думка, 1982—2012. Т. 1—6.

ББК 81.432.4-006

И. В. Кокурина, Н. Ю. Хорецкая

ФРЕЙМИНГ И ОБРАЗ США В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена фреймингу как одному из способов воздействия на точку зрения человека. На материале текстов немецких СМИ иллюстрируется тот факт, что актуализация отдельных фреймов при описании различных фактов, связанных с США, «заставляет» реципиента истолковывать факты так, как это выгодно автору текста, что способствует формированию определённого образа страны.

Ключевые слова: фрейм, фрейминг, манипуляция, средства массовой информации, политика.

Article is devoted to framing as one of ways of impact on the point of view of the person. On material of texts of the German media the fact that updating of separate frames at the description of various facts connected with the USA "forces" the recipient to interpret the facts as it is favorable to the author of the text that promotes formation of a certain image of the country is illustrated.

Key words: frame, framing, manipulation, mass media, policy.

© Кокурина И. В., Хорецкая Н. Ю., 2019